

БЕЗ ПРИТОКОВ РЕКИ НЕ БЫВАЕТ

Однажды, пролетая над побережьем Ледовитого океана на борту маленького ярко-оранжевого полярного самолета, с лыжами вместо колес, я познакомился с пассажиром, который так же, как и я, был одет во все меховое, так же, как и я, носил усы. Пассажиров, кроме нас, не было. Он сидел у круглого иллюминатора, вглядываясь через толстое стекло в суровую белую даль Севера. Разговаривать было бесполезно: в самолете стоял такой рев, что самого себя трудно было бы услышать. Белые облака-барашки, отрываясь от облака-отары, стремительно подползали под брюхо самолета и устремлялись в бездну. Иногда, встретившись взглядами, мы изображали подобие улыбки и снова прижимались к холодным стеклам. Вдруг сквозь рев мотора я отчетливо услышал мотив национальной армянской песни. Сосед насвистывал ее, губами почти касаясь стекла. Начал насвистывать и я. Тотчас же мы стали разглядывать друг друга, но продолжая свистеть уже в такт. Я видел, как искрятся его удивленные глаза. Наверное, то же самое он видел у меня.

Бог мой, что тут было. Он произнес громкое «ахпер» («брат по-армянски»). И мы обнялись, как неуклюжие медведи. Говорили взахлеб, то и дело похлопывая друг друга по меховым плечам.

Вяснилось, что мы хорошо знали друг друга, хотя видеться не приходилось. Это был знаменитый на Севере Левон Газарян. Тот самый Левон, который на собственном «Москвиче» добрался от Камчатки до западных границ страны. Позже, в тундре, когда мы ели шашлык из оленины, он подробно рассказывал о всех перипетиях своей нелегкой поездки на машине. А я ему рассказывал о нашем лодочном переходе по морям и рекам. Разные дороги, но оказалось, у них много общего. Об этой встрече я вскоре рассказал на страницах «Литературной газеты».

С тех пор прошло немало лет. Я часто вспоминаю ту нашу встречу. Долгие разговоры. Но вот никак не могу припомнить,

откуда Левон родом. Разумеется, я, наверное, в свое время справлялся об этом. Мало того, после, находясь в отпуске, Левон гостил у меня в Ереване, но вот, ей-богу, никак не могу припомнить, откуда он родом. Одно я знаю точно, Левон — прекрасный человек. Мужественный и отважный путешественник. Армянин, и родом из Армении, но из какой ее части, не помню.

За долгие годы жизни в России, будь то на Балтике или в Средней Азии, на Рязанщине или в Москве, на Крайнем Севере или в дороге, я не могу припомнить случая, чтобы кто-либо из моих русских товарищей давал оценку кому-либо из своих соотечественников по, так сказать, географической принадлежности. И, наверное, прозвучало бы нелепым анахронизмом, если кто-нибудь взялся бы доказывать, что, скажем, жители из Вологды хороши, а вот из Костромы поплоче.

Речь, конечно, о естественном чувстве землячества, о безграничной преданности и любви к тем местам, где родился человек. Антуан де Сент-Экзюпери сказал, что «родина там, где ты бегал голоштаннный». И такую родину, разумеется, человек должен воспевать всю свою жизнь. Однако тот же Экзюпери не преминул добавить, что «без большой Франции не было бы и моей маленькой родины, где я бегал голоштаннный». Есенин, прославивший на всю планету свою родную Рязанщину, ее белые березы и златоглавые церкви, тем самым прославлял саму Россию, которая для поэта была большой безграничной Рязанщиной. И нельзя, наверное, по-настоящему любить свою родину, если ты не любишь дом, в котором родился, окно, из которого впервые увидел солнце, двор, где бегал голоштаннный и разбивал колени о камни, даль, которая видна с крыши твоего дома. Но в то же время нельзя, наверное, полюбить свой дом, окно, двор, даль, если все они не воспринимаются тобой как часть необозримой родины. А это значит, нам должны быть дороги и соседский дом, и соседское окно, и соседский двор, и даль, которая видна с крыши соседского дома.

Но ведь соседями бывают не только дома, окна, дворы, и единственной бывает не только даль. Соседи — все те, кто близок друг другу по духу, по сердцу, по языку, по истории, по счастью, по трагедии. Нам, советским армянам, близки по духу все трудящиеся армяне, живущие в Бейруте и Египте, на американском континенте и в Австралии. В этом великий смысл ленинской национальной политики в действии. Для нас, советских армян, любовь к своему дому и двору, любовь ко всей

Армении и ее истории, любовь к своим соотечественникам стала подлинным залогом любви к единой великой родине — Советскому Союзу. И когда говорят о правах человека, то мы подразумеваем здесь и право на любовь к Родине.

Однако с болью в сердце приходится признать, что мы сегодня порой сталкиваемся с явлениями, которые, казалось бы, совершенно чужды духу и нравам нашего народа. И примеров тому немало.

Ученый, признанный специалист, лет десять назад прибывший в Ереван, сегодня рассказывает о том, с каким нескрываемым упорством приглашали его к нам, а вот теперь, как он говорит, многие коллеги отмахиваются от него, как от инородного тела. И дело ничуть не в том, что вдруг произошла некая переоценка ценностей. Напротив, как и прежде, никто не подвергает сомнению способности ученого-практика. Как и прежде, признают его знания и опыт. А вот холод вокруг его личности все растет и нарастает, как лед зимой на реке. Призадуматься — оказывается, вопрос в другом. Прибывший «со стороны» ученый-практик через некоторое время вдруг стал всегдашним, прозаичным, обычным. Он оказался, как и все (как и все «местные»), человеком со слабостями, немного ворчливым, немного капризным. Оказалось, он, как и другие, как и все простые смертные, нуждается в чутком отношении к себе, во внимании и даже претендует на место в академических рядах («Ишь ты!»). А вот когда он был «на стороне», всего этого не было. Когда он был «на стороне», к нему относились как к гостю.

Еще смешнее, если не сказать оскорбительнее, выглядит разграничение людей на «городских» и «деревенских». Само деление это мне кажется просто иронией судьбы. Ибо, если заглянуть в глубь истории, то мы увидим, что армяне почти все и почти всегда (по крайней мере до Средних веков) были горожанами. В этом отношении прекрасную мысль высказал Амо Саяган: «Нас, армян, тема городской жизни особенно волнует. Ведь где-то в Средние века оборвались наши традиции городской жизни, и надолго. Наши города сейчас еще только расцветают, и мы в целом, всей нацией, только становимся горожанами». И тем не менее нередко можно слышать неудовольствие по поводу того, что наш Ереван, видите ли, лишен своего образа и своих традиций, потому что его заполнили деревенские жители. Во-первых, если бы эти самые деревенские жители не заполнили новой столицы новой Армении, то Ереван сегодня не был бы Ереваном. А во-вторых, приглядишься к тому, кто выражает

неудовольствие, оказывается, он сам не далее как вчера научился завязывать галстук. Такого воинствующего «горожанина» уже никак не убедишь, что главным для признания личности является не место рождения, а наличие чувства собственного и национального достоинства. Для сведения напомним воинствующему горожанину-обывателю, что великий Паруйр Севак родился в крохотной армянской деревушке, откуда он сделал первые свои шаги. Шаги в историю мировой культуры.

Кстати, именно люди, лишенные культуры, лишенные чувства государственности, страдающие злокачественной близорукостью, дают оценку современнику по принципу: откуда родом, где родился. Недавно, как стало известно, руководитель одного учреждения отказал человеку в приеме на работу только потому, что тот когда-то прибыл из Кировабада. Сказывают, что другой, лишенный гордости человек, дабы поступить в то же учреждение, в своей анкете сменил Кировабад на Шамшадин. Так он поступил, ибо у горе-руководителя, говорят, прямо-таки идиосинкразия к тем, кто прибыл из «тех мест». Я допускаю, что кто-то из «тех мест» когда-то порядком насолил горе-руководителю. Но дает ли это право на обобщение? Напомним этому самому руководителю, что прославленные на весь мир наши маршалы тоже из «тех мест». Удивительнее всего то, что, как выяснилось, у горе-руководителя мать из Карабаха, отец из Сухуми, а сам он родился в Тбилиси. И ничего — его назначили на ответственный пост.

Что и говорить, методы подбора кадров нередко бывают прямо-таки патологическими. И у этой болезни есть другая, обратная сторона медали, когда признают «своими» только земляков. Это уже другая крайность страшной патологии, до невероятности оскорбительной для нашего времени.

Хорошо известно, что только сильные и мужественные люди умеют подтрунивать, иронизировать над собой. Такие люди обычно от природы бывают щедрыми, добрыми. И чертой этой, к счастью, наделены жители многих районов Восточной и Западной Армении. И среди них, пожалуй, особое место занимают ванцы. Однако, если болгарские габровцы именно благодаря этой завидной черте приобрели всемирную славу, то у нас нередко можно слышать от обывателей, что ванские по натуре люди жадные. Я знаю нелепый случай, когда мещанка-мамаша отказала выдать дочь за парня, чьи родители родом из Вана. Думаю, что никогда не расстающиеся с чувством юмора знаменитые ванцы от этого только выиграли, ибо славы подоб-

ная теща не прибавит. Но все же сам случай, каким бы он диким и редкостным ни был, навеивает на тревожные мысли. Имеем ли мы право на подобные, даже единичные, поступки? Вопрос этот далеко не риторический. Я, например, глубоко убежден, что есть такие поступки и проступки, которые мы, в силу сложившихся исторических обстоятельств, просто не имеем права совершать. Неуважение к соотечественнику не только отдаляет нас друг от друга, но и отдаляет те места, где мы родились. А это и впрямь опасно.

Думается, сегодня, как никогда, настала пора точно определиться, точно уяснить для себя: там, где ты родился — это еще не родина, это только начало родины. У человека, кроме общей Отчизны, как было написано в передовой «Правды», «есть еще и свой милый сердцу уголок земли, где он увидел свет солнца, сделал первые шаги, получил путевку в трудовую жизнь. Этот город или село мы не противопоставляем другим, но именно с него, милого отчего порога, и начинается для нас Родина».

Для нас же, советских армян, не менее важным, чем чувство родины, чувство возрожденной Армении, стало чувство единства, невозможное без сплоченности, без проявления искреннего уважения соотечественника к соотечественнику.

Родину часто сравнивают с живительной полноводной рекой. Если Родина — река, то места, где мы родились — это ее притоки. А без притоков реки не бывает.